

Граф Ланжерон* Роман

Опасный экспромт

Приглашение на королевский прием в Версале было для графа Ланжерона неожиданным. Напрасно он ломал голову: чем оно вызвано? Он одевался с помощью своего слуги Пьера, который был у него также за камердинера, и обдумывал причину приглашения. Во всяком случае, когда он облачился в свой парадный камзол, именуемый его тетками- "драконшами" "праздник у моря с синим фейерверком" из-за ткани сочного зеленого цвета с синими переливами, граф так и не нашел ответа на этот вопрос, и всего лишь на мгновение, тут же забытое мгновение, к нему явилась тревога и сразу растаяла: он выбирал шляпу и решал, какие часы и с какой цепочкой украсят его расшитый райскими птицами жилет.

Прием в Версале был одним из бесконечной серии приемов, приуроченных к событию долгожданному — рождению наследника короля. Этого события ждали целых семь лет! Уж многие причислили королеву Марию-Антуанетту к женщинам бесплодным, и вдруг она родила девочку, а потом и дофина-наследника. Событие отмечалось пальбой из пушек, фейерверками, досрочными производствами в чины. Счастливая королева выдавала неимущих девиц замуж, ссужая им средства на приданое, щедро раздавала милостыню, король объявил амнистию, прощение долгов и не очень больших растрат казенных денег. Королева принимала делегации горожан, среди которых были даже торговки рыбой с набережной де Вилье, которые преподнесли колыбель младенцу в виде громадной, выложенной перламутром раковины, по краям украшенной пальмовым жемчугом, найденным в кокосовых орехах. Правда, были и такие люди, а среди них и брат короля граф Прованский, что часто вспоминали обстоятельства свадьбы Марии-Антуанетты и теперешнего короля Людовика XVI. Тогда на Гревской площади состоялось свадебное гулянье, и стечение народа было таково, что началась давка, закончившаяся катастрофой: погибло несколько сот человек — свадьба обернулась трауром, и парижские ясновидцы судачили об этом как об очень дурном предзнаменовании.

* В архиве прозаика и драматурга Р. Феденева остался неопубликованный роман о Ланжероне, завершающий трилогию, начатую книгами о де Рибасе и де Ришелье. Первую главу романа, который готовится к печати, мы предлагаем читателям альманаха.

Но в этот вечер граф Ланжерон не думал о плохих знаках Судьбы, когда ступил в просторный светский улей, где королевскую чету окружили братья короля граф Прованский и д'Артуа, непроницаемые придворные, дипломаты, бриллиантовый маркиз Бомбель, у которого и пряжки башмаков искрились драгоценными каратами, граф Эстергази, выделяющийся среди всех своей исключительной неприметностью и костюмами, которые, как говорили, он шьет у мышей, а не у портных. Прием был назначен во дворце Малый Трианон, который как раз недавно был закончен реставрацией по желанию королевы. Внешне это было строгое здание с коринфскими колоннами, но внутри, в переходах и залах, дворец был напичкан скульптурами Церер, Деметр и Прозерпин — древних богов и покровителей плодородия и пейзажного изобилия. Блестящее общество вельмож, дам, офицеров лицемерно дофина-наследника, мирно спящего как раз в перламутровой колыбели — подарке рыбных торговков. После приема общество должно было перейти в королевский театр, где давали "Армиду" Глюка. Граф Александр прошествовал в шеренге знати мимо королевских особ и наследника-дофина и оказался в обществе придворных — сорокапятилетнего бельгийского принца Жозефа де Линя, расфранченного и родовитого виконта Луи де Виля и сухопарого и морщинистого немецкого принца Нассау-Зигена, который в свое время совершил кругосветное путешествие, служил Испании, а теперь говорил о пользе путешествий и для наследников престола. Он имел в виду графа Северного, который был на приеме. Всем было известно, что граф Северный — это наследник русского престола Павел, путешествующий с женой по Европе инкогнито.

— Конечно, путешествие по Европе не сравнить с кругосветным, — говорил Нассау-Зиген, — но и Европа может закружить графу Северному голову.

В ответ принц де Линь, военный и дипломат, недавно прибывший из Вены, рассказал:

— В Вене с графом Северным случился анекдот. Он явился в театр, чтобы увидеть "Гамлета" Шекспира. У них в России эта пьеса запрещена. И что же? Венский актер Брокман отказался играть роль Гамлета в присутствии наследника русского престола Павла! Был скандал. Актер Брокман потом объяснил императору Иосифу: "Но если бы я исполнил эту роль, то в театре оказалось бы два Гамлета! Один на сцене, другой — в зале! Боюсь, это кончилось бы еще большим кровопролитием, чем у Шекспира!". Император смеялся и велел выдать Брокману пятьдесят дукатов за предусмотрительность.

Граф Ланжерон читал газетные отчеты о пребывании Павла в Париже. В них о нем льстиво отзывались, как об образованном уме, "утонченно понимающем французские обычаи и язык". А сейчас, в дополнение анекдота, немецкий принц Нассау-Зиген, поглаживая свои аскетичные щеки, сказал:

— Я знаю, что Людовик спросил этого Павла: "Правда ли, что вы не можете ни на кого положиться в вашей свите?". И тот откровенно ответил: "Если бы в Париже ко мне привязался какой-нибудь пудель, моя мать, императрица Екатерина, тотчас бы приказала моим свитским бросить пуделя в Сену с камнем на шею". А? Каково?

"Обычные светские пересуды", — подумалось графу Ланжерону. Он наблюдал за братом короля графом Прованским и заметил, что тот был единственным в окружении короля, кто не занимал своего положенного по рангу места, а все время перемещался по залу и без умолку с красноречивыми жестами что-то говорил то кардиналу де Роану, то графине де Ламонт, то своему родному брату графу д'Артуа... Это же отметил виконт де Виль, красуясь в своем излишне "раскаленном" камзоле цвета "брусничного кирпича":

— Граф Прованский в своем амплуа. Он так переживает рождение дофина-наследника, что просто летает по залу!

Причина столь странного поведения графа Прованского была понятна многим на этом приеме. Ведь в течение долгих лет он считался единственным наследником престола Франции, а тут вдруг двадцатипятилетняя Мария-Антуанетта родила! Разумеется, ее сын и был объявлен теперь наследником-дофином, а граф Прованский потерял официальное наименование *монсеньор* и перестал числиться в дофинах. Считалось, что из-за этой коллизии у него появился "пунктик". В придворной среде о его достоинствах всегда были невысокого мнения. В свои двадцать шесть лет он был чем-то похож на своего брата-короля, фигурой рыхлого, склонного к тучности из-за наследственной гипертонии и гастрономической невоздержанности. Но кроме всего этого граф Прованский унаследовал красноречие и склонность к безграничному фантазированию, которое после рождения дофина-наследника и своей отставки он и пустил в ход. Сначала он утверждал, что во всем виноваты врачи-австрийцы, которые сделали Марие-Антуанетте тайную хирургическую операцию, после которой и появился на свет младенец-наследник. Потом он стал намекать: еще не известно, что это за младенец, и не привезли ли его в Версаль "эти австрийки". Он уверился в своих сомнениях и уверял других: тут дело нечисто!

Тут обман. И он, граф Прованский, докопается до истины! Его пробовали образумить, но это только подстегнуло полет его мысли. Направо и налево он стал говорить, что сынок королевы происхождения сомнительного, и если даже поверить, что его родила королева, то надо бы расспросить ее об отце. Он настойчиво советовал сделать это и своему брату — королю, который был на два года старше его. Но старший брат, зная с детства взбалмошный его характер, только разводил руками и просил младшего братца не сходить окончательно с ума из-за того, что его больше не называют дофином и не величают Монсеньором. Но граф Прованский совсем обезумел, распространял грязные слухи и устроил скандал во время крестин младенца. Он сказал архиепископу Парижскому, что тот нарушил обряд крещения! Когда же архиепископ спросил, в чем же состоит нарушение, граф в наступившей церковной тишине громко отчеканил: "Ваше высокопреосвященство забыли осведомиться об именах родителей младенца". Разумеется, архиепископ лишился дара речи, но потом все-таки заметил, что родители младенца всем хорошо известны, на что граф Прованский безапелляционно спросил: "А вы уверены в этом?".

Граф Ланжерон знал все пересуды от своих теток-"драконш" и относился к ним как к салонным рассказням, но шеголь виконт де Виль, вспомнивший об этой истории и поглядывающий на "летающего" по залу графа Прованского, сказал:

— Да он и сейчас говорит все о том же. Разве вы не видите, как он жестикулирует, как он красноречив? Одно время он даже считал, что появление соперника-младенца — это происки спирита Месмера. Королева тайно бывала на сеансах этого спирита и могла на них ненароком и забеременеть.

— А в Вене говорят, что младенец явился плодом потусторонних сил, которыми в Париже сейчас управляет граф Калиостро, — сказал принц де Линь. — Калиостро обычно живет в одной из египетских пирамид, но иногда от скуки путешествует по Европе и творит, по преимуществу с женщинами, чудеса.

Тем временем граф Прованский остановился неподалеку, разговаривал с принцем Конде громким шепотом, и можно было расслышать слова о наследнике-дофине: "Она устраивает приемы с младенцем в разных дворцах Версаля! Думает, что это поможет. Думает, что всех убедит: родился Сын Франции! Как бы не так!"...

Принц Жозеф Конде, генерал-лейтенант, был шефом полка драгунских войск, расквартированных в Лиможе. В этом полку девятнадцати-

летний парижанин граф Ланжерон служил лейтенантом. Об офицере Ланжероне часто говорили, что он из тех, "кто сочиняет", то есть занимается в силу своих способностей и литературой. В полку были в ходу несколько эпиграмм лейтенанта, которые давались ему легко, шутя. И сейчас, удивляясь странностям графа Прованского, его "пунктику", в уме лейтенанта-сочинителя явился неизвестно откуда экспромт... и сочинитель тут же заговорщицким полусшепотом поделился им со своими собеседниками:

— "Наш граф — Цицерон... Каждый думать привык: отлично у графа подвешен язык! Подвесим и то, что расскажет о графском уме, — весы, не колеблясь, останутся лишь на нуле"...

Собеседники заулыбались. Пестрый франт де Виль попросил Ланжерона повторить экспромт. Граф Прованский взглянул на весельчаков и тут же устремился к американцам Франклину и Адамсу, которые представляли в старой Европе Конгресс Нового Света. А к графу Ланжерону вдруг подошел церемониймейстер и пригласил его к королю.

Людовик стоял возле королевы и о чем-то разговаривал с графом Северным, но заметив графа Ланжерона, обратился к нему:

— Я тут говорил нашему гостю о том, что ваш предок — какой-то из Ланжеронов — служил у его деда, Петра Первого.

Граф Ланжерон впервые об этом слышал, но постарался в тон королю довольно уверенно сказать:

— Да, ваше величество, мой предок служил... служил Петру Великому.

— Мне об этом сегодня сообщили из Академии, — сказал Людовик.

— Петр Великий — единственный человек, который меня всегда утешает, — заговорил о покойном императоре граф Северный и продолжил: — Я как-то шел по ночному Петербургу и встретил его. Он пошел рядом со мной и говорил: "Павел! Бедный Павел! Я тот, кто примет в тебе участие. Ты не будешь привязан к этому миру, но я в нем буду тебе опорой." И знаете, я ощущал холод с той стороны, с которой он шел рядом со мной. А случилось это на том самом месте, где теперь стоит монумент Петру над Невой!...

Людовик в ответ стал рассказывать о своем, не менее мистическом случае, когда ему явился король Хлодвиг Первый, захороненный в Сен-Клу... А в это время франт де Виль подошел к принцу Конде и что-то зашептал ему на ухо. Конде заулыбался, закивал головой и, отойдя от сияющего де Виля, направился к кардиналу де Роану, которому тоже заговорщицки что-то проговорил на ухо. Кардинал де Роан, в прошлом человек

светский, оценил сказанное и тотчас направился к молодой и счастливой королеве, к которой он был довольно неравнодушен. И граф Ланжерон явственно услышал окончание своего экспромта, который нежно проворковал на ушко веселой королеве кардинал. Мария-Антуанетта встала, отыскала глазами в зале графа Прованского — он ощутил, "поймал" ее взгляд, — и она прыснула от смеха, глядя на него.

Граф Ланжерон был поражен прической королевы: она была не только высокой, но и просвечивалась насквозь, а внутри просвета была различима миниатюрная клетка, в которой на пружинке весело покачивалась радужная птичка колибри. Королева распорядилась отнести спящего сына в детскую. Оркестр, чтобы не разбудить младенца, в четверть силы заиграл колыбельную. И предводительствуемое монархами общество направилось по переходным галереям в королевскую оперу.

Мелодичная выразительность Глюка всегда была по душе графу Ланжерону, но почти все первое действие "Армиды" ему мешала сосредоточиться на музыке мысль: каковы могут быть последствия столь быстрого продвижения его экспромта по кулуарам двора? И последствия эти не заставили себя ждать. Церемонимейстер вдруг нашел его и не только пригласил к графу Прованскому, но и отвел к нему, тут же удалившись. Брат короля сидел в ложе один, а поэтому громко и свободно сказал:

— Лейтенант! Я надолго запомню вашу выходку. И сделаю это без труда. Потому что у меня не только отлично подвешен язык, но и отменная память!

После этих слов он отвернулся и стал смотреть в провал партера. Что оставалось лейтенанту Ланжерону? Только поклониться и выйти.

Уже у себя дома на рю де Бурбон он рассказал обо все своему давнему приятелю, такому же лиможскому отпускнику, лейтенанту Шарлю Вио-менилю. Тот, по своему обыкновению, пожалел, что его не было рядом, ибо тогда граф Прованский, будь он хоть десять раз брат короля, имел бы дело с ним, с Шарлем. Впрочем, лейтенант Шарль не долго об этом думал, так как спешил развлечься в Париже, и сообщил:

— Во вторник мы едем в Венсенский лес с дамами. А потом приглашены в салон мадам Сюар! Едем к портному. Я хочу быть у Сюар в цивильном фраке а-ля Франклин.

В Венсенский лес они отправились с модистками и в обществе еще двух офицеров, капитана Квентина Ришеборга и лейтенанта Риго Водреля. Прогулка получилась на редкость приятной. Модистки были милы и не скупилась на ласки. Никто и не вспомнил об опасном версальском

экспромте графа Ланжерона, но его последствия были тут, рядом, в Венсенском лесу. Сначала мимо офицерского пикника пронесся лающий и визжащий вихрь, за ним группа всадников, которые в этот день занимались с егерями охотой. Они преследовали обреченную лисицу.

Герцог Орлеанский скакал по-английски, привстав на стременах. Собственно, он и был хозяином этой охоты. Братья короля граф Прованский и д'Артуа лишь присутствовали на ней, с неохотой согласившись быть участниками древнего занятия лишь потому, что рассчитывали поинтриговать на бале-ужине, который был обещан после окончания охоты. Братья отстали от преследовавших лисицу всадников, тщетно искали тропинки и в конце концов решили, что заблудились. Но тут, сделав большой круг по лесным чащам, лисица и выскочила на них. При этом она себя странно повела. Остановилась, как вкопанная, села и чуть ли не с улыбкой стала смотреть на братьев короля. Граф Прованский выстрелил первым, и — о позор! — лисица сделала сальто через голову и пустилась наутек. Они бросились ее преследовать, а она выскочила на дорогу, по которой ехал одинокий экипаж. Из него выпрыгнул офицер и уложил лисицу на месте выстрелом из пистолета. Когда к офицеру подскакали оба незадачливых охотника, он сразу понял, с кем имеет дело, и сказал:

— Поздравляю! Это ваш трофей.

— Но ваш выстрел был последним, — сказал д'Артуа.

— Да. Но она упала возле кареты и была бездыханной до моего выстрела, — сказал офицер и добавил: — Я стрелял лишь для того, чтобы убедиться: не обманывает ли она меня? — и он представился: — Капитан Сьюар, к вашим услугам, ваши высочества.

С таким заявлением граф Прованский не только согласился, но был несказанно обрадован: в кои веки ему повезло на охоте!

— Как вы отрекомендовались? — спросил он.

— Капитан инфантерии Сьюар.

— Прекрасно, капитан. Бросьте-ка эту хищницу на луку моего седла и поезжайте за нами в замок. Там, говорят, будет интересная компания сегодня.

